

ГЕОРГИЙ БАЖЕНОВ

ВАРИАЦИИ
НА ТЕМУ
ЛЮБВИ И СМЕРТИ

ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ ПОВЕСТИ

Москва
«Книга по Требованию»
2014

ББК 84 Р7

Б 16

Баженов Г. В.

Б16 **Вариации на тему любви и смерти.**
Остросюжетные повести. — М: Книга по Требованию,
2014. — 518 с.

ISBN 5-7838-0133-X

Можно ли терпеть насилие над любовью? Над чистотой и святостью человеческой жизни? Герой повести «Иду на смерть» восстал противтирании зла и насилия, поставив на карту собственную жизнь: он сам вершил суд над злодеями и убийцами. Сюжет повести захватывающ и трагичен. Защитить любовь, защитить семью — вот нерв повествования.

Теме любви и брака посвящены многие произведения Георгия Баженова. Среди них — его знаменитые повести «Люблю и ненавижу», «Бедолага», «Метаморфозы», «Вариации на тему любви» и другие. Нежность и страсть, верность и измены, безумство ревности и смерть от неразделённой любви — вот о чём рассказывает писатель в своей книге.

ISBN 5-7838-0133-X

© Г. Баженов, 1997.

© Оформление. Издательство
«Книга по Требованию», 2014.

I

МЕТАМОРФОЗЫ

- Что это такое — локус минорис резистенциэ?
- Место наименьшего сопротивления, — ответил врач. — По-латыни: *Locus minoris resistentiae*.
- И что это за место у человека?
- У каждого свое, — ответил врач. — У многих — сердце.

Евграфов умер неожиданной смертью: в чужой квартире, в постели любовницы, от сердечного приступа.

Было мнение: Евграфова доконала Жан-Жанна. Шутка ли, на двадцать один год моложе старика. Евграфов любил жизнь, любил женщин, но ухитрялся делать свои дела так, что невозможно было понять: есть у него женщины или нет. Улыбнется только, усмехнется — и все.

И вот — умер.

Однажды к жене Евграфова, прямо на улице, подошел незнакомый мужчина.

— Извините, ради бога, Екатерина Марковна, — начал он, запинаясь, — я, собственно, хотел извиниться...

Жена Евграфова не терпела уличных разговоров, а тут, услышав свое имя и отчество от незнакомого мужчины, просто испугалась.

— Простите, но... кто вы? Что вам нужно?

— Я — муж Жан-Жанны. — Он опустил голову.

— Ах, вон что! — Екатерина Марковна вспыхнула — от стыда, унижения, а еще больше — от нелепости ситуации. И быстро-быстро засеменила прочь от мужчины.

Он не стал догонять ее. Просто стоял, переминаясь с ноги на ногу, и с тоской смотрел ей вслед.

Через неделю в квартире Екатерины Марковны раздался телефонный звонок. Жена Евграфова подняла трубку.

— Простите, Екатерина Марковна, что вновь беспокою вас. Это — муж Жан-Жанны.

— Слушаю, — холодно произнесла Екатерина Марковна.

— Дело в том, что у нас остались некоторые вещи вашего мужа...

— Можете выбросить их.

— Видите ли, в «дипломате», среди прочих вещей, есть запечатанный конверт.

— Меня не интересуют его письма.

— Конверт без адреса. На нем крупно выведено: «На случай моей смерти — распечатать».

— Можете распечатать, мне все равно.

— Не могу. Письмо, вероятней всего, адресовано вам.

— А вдруг вашей жене? — горько усмехнулась Екатерина Марковна.

— Не думаю. Во всяком случае, официально женой Евграфова являетесь вы, а не Жан-Жанна.

— И вы можете спокойно говорить об этом?

— Я вынужден говорить...

— Одним словом, — прервала его Екатерина Марковна, — все, что связано с моим мужем и вашей женой, мне абсолютно неинтересно. И прошу впредь не беспокоить меня.

И положила трубку.

Еще через неделю на имя Екатерины Марковны пришла посылка: общий белой наволочкой «дипломат» Евграфова. В «дипломате» оказались запасная рубашка Евграфова, тапочки, носки, запонки, колода карт, валидол, а в отдельном кармашке — номер «Литературной газеты», чистые листы бумаги, шариковая авторучка «Паркер» и злополучный конверт: «На случай моей смерти — распечатать».

Как-то Екатерина Марковна возвращалась с работы домой. Обычно от метро «Сокол» она выходила переулками на улицу Алабяна, пересекала ее у моста, затем шла тихими, почти деревенскими, улочками небольшого московского поселка художников (дома здесь сплошь деревянные, с садами и даже огородами — райский островок в безбрежном море высотных домов) и, наконец, выходила к своему дому, многоэтажной тяжелой коробке на улице Панфилова, на третьем этаже которой и располагалась ее пустынная квартира. Правда, мимо дома, со стороны фасада, день и ночь проносились электрички, пассажирские и грузовые поезда, которые когда-то раздражали, когда жизнь в доме кипела и шумела, а теперь грохот железной дороги привносил в мертвеннную тишину квартиры не только странное успокойние, но и некоторую радость: все-таки жизнь не кончилась, продолжается, вон она — шумит, гудит, движется...

Подходя к своему дому, Екатерина Марковна обратила внимание на шум и возню около соседнего подъезда.

— И правильно, и забирайте его! Ходют тут всякие, ходют... — услышала она знакомый голос.

Знакомый? Ну да, это был голос Марка Захаровича, пенсионера из соседнего подъезда, грозы всего дома. Грозность его заключалась в том (нелепая и смешная грозность), что он везде и всюду стремился навести порядок: «Как полагается!», совал нос во всякую неурядицу, а таковой ему представлялась любая чужая жизнь.

— Ну так что, гражданин, сами пойдете... или?.. — Это уже был голос милиционера; рядом стоял еще милиционер; тут же, с ярко зажженными фарами, поджидала специальная машина.

— А вон и Екатерина Марковна! — от этого возгласа, как от выстрела, Екатерина Марковна испуганно вздрогнула. — Екатерина Марковна, ну хоть вы-то им скажите!..

Она невольно замедлила шаг, стала пристально щуриться — страдала близорукостью, а очки носить не любила, особенно на улице.

— Екатерина Марковна!

Ногами, будто налившимися свинцом, она направилась к группе людей.

— Старший сержант Поликарпов! — козырнул ей милиционер. — Простите, это вы будете Евграфова Екатерина Марковна?

— Да, я, — ответила она. — А что случилось?

— Вот этот гражданин, по паспорту Нуйкин Семен Семенович, утверждает, что поджидает именно вас. Между прочим, в нетрезвом состоянии. Вы знаете этого гражданина?

— Екатерина Марковна, да скажите вы им!.. — Он смотрел на нее умоляюще. Ей и хотелось бы сказать: нет, не знаю такого, но совесть не позволяла: ведь она знала его, хоть и знать не желала, — это был муж Жан-Жанны.

— Так знаете вы этого гражданина или нет? — Старший сержант Поликарпов истолковал заминку Екатерины Марковны в том смысле, что тут наверняка какая-то пикантная и запутанная история.

— Они часа два тут и ходют, и ходют... подозрительный такой из себя человек, в очках, — вставил слово пенсионер-общественник Марк Захарович. — Я сразу сообразил — и в милицию, и в милицию...

— А вы помолчите пока, товарищ! — бесцеремонно оборвал его Поликарпов. — Ну, так что будем делать с граждани-

ном Нуйкиным, Екатерина Марковна? Знаете вы его или, может, знаете, да вот неожиданно забыли?

Екатерине Марковне послышалось в интонации этих слов что-то оскорбительное, она вспыхнула и выпалила раздраженно:

— Да, знаю!

(А что оставалось делать?)

— Таким образом, — вновь козырнул старший сержант Поликарпов, козырнул с разочарованием, — вы утверждаете, что мы можем оставить товарища Нуйкина под вашу ответственность?

— Да, можете, — кивнула она. А что, нужно было сказать: нет, не утверждаю, забирайте его? Но совесть и что-то еще, чему она не могла пока дать объяснения, не позволили Екатерине Марковне сделать это.

— В таком случае — всего доброго. Извините! — Поликарпов козырнул на прощание, милиционеры сели в машину, которая резко осела под их одновременным движением, и машина тронулась с места, полоснув ослепительным светом по лицу Марка Захаровича. Он испуганно ойкнул, прикрываясь потрепанным рукавом пальто, и отшатнулся в сторону.

Стало темно; Екатерина Марковна и Нуйкин стояли друг против друга. Неподалеку, никуда не уходя, с пристальным вниманием наблюдал за ними Марк Захарович.

— Пойдемте! — резко проговорила Екатерина Марковна и, развернувшись, пошла по направлению к своему подъезду. Нуйкин, стараясь не пошатываться (ему, конечно, было стыдно; а впрочем..., пошел следом за Екатериной Марковной.

Они уже скрылись в подъезде, прошло минут пять или шесть, а Марк Захарович, как всякий человек на посту, продолжал стоять на своем месте, не веря ни увиденному, ни услышанному. Он чувствовал, нутром изнывал: тут подвох, явный подвох... А вот какой? И только когда в окнах квартиры Екатерины Марковны вспыхнул свет, Марк Захарович поплотней закутался в свое длиннополое, на манер шинели, обтрепанное пальто, примечательностью которого были еще и золотые пуговицы железнодорожника, и разочарованно вздохнул. Но тут спасительно-ядовитая мысль засеялась в его мозгу: «А на вид вроде порядочная женщина... Не успела мужа в могилу спихнуть, а уж Семен Семенычи появились. Ну, народ, ну, народ!..» И, разгоряченный этой мыслью, спасенный ею от смертной скуки, которая одолевала его в холостяцкой, давно потерявшей всякое человеческое тепло однокомнатной квартирке, Марк Захарович отправился восвояси.

— Раздевайтесь, что же вы! — гораздо грубей и резче, чем, в сущности, хотела бы, проговорила Екатерина Марковна, включив в прихожей свет.

— Я, собственно... — начал лепетать Нуйкин, поправляя в нерешительности очки на переносице. — Вы извините...

Екатерина Марковна, даже не взглянув на него, повесила свое пальто на вешалку, сняла платок с головы, поправила волосы.

— Раздевайтесь. Откуда вы только взялись на мою голову... — И прошла в кухню.

Нуйкин начал раздеваться, снял пальто, а когда расшнуровывал ботинки, наклонился и чуть не упал, потеряв равновесие. Собственно, он бы упал, но вовремя уперся руками в тумбочку; тумбочка наклонилась, но не перевернулась, а встала на место.

— Ну, что тут у вас? — Екатерина Марковна вышла из кухни (поверх платья она успела надеть фартук). — Что, чуть тумбочку не уронили? Хорош, хорошо, ничего не скажешь... Как вас по фамилии? Нуйкин, что ли?

— Нуйкин. Семен Семенович, — одернув пиджак и поправляя галстук, бодро, как бодрятся все крепко выпившие мужчины, ответил тот. — Я, собственно, к вам. Извините, просто не к кому. Я к вам посоветоваться...

— Посове-е-товариться? — удивленно проговорила Екатерина Марковна. Проговорила не только удивленно, но и насмешливо.

— Да, если позволите. — Он снова одернул пиджак, стоял перед ней навытяжку: на одной ноге — ботинок, на другой — носок. — Вы не смотрите, что я нетрезв... я давно вас жду. Часа два...

— О чём вы можете советоваться со мной? Вы? Со мной? Вы хоть понимаете, как это нелепо звучит? Ладно, — махнула она рукой, — раздевайтесь. Проходите на кухню. — И опять ушла.

Он разделся, хотел надеть тапочки, которые стояли у порога, но вдруг узнал их, ведь это тапочки, которые лежали в «дипломате», и его от отвращения передернуло. А может, вовсе и не те тапочки? Черт их знает... Он прошел на кухню в носках.

— А тапочки? — нахмурилась Екатерина Марковна.

— А-а, я так! — Он сделал неопределенное движение рукой. — Не фон-барон.

— Чай будете? — Она смотрела на него в упор, без снисходительности, без мягкости.

— Да, если можно...

— Садитесь... — Показала на табуретку.

Кухня была просторная. То есть настолько большая, с такими высокими потолками, что Нуйкин и не помнил, чтобы видел когда-нибудь подобное. Вытянув ноги, сложив руки на коленях, Нуйкин с удивлением и уважением оглядывал кухню.

— Когда-то это была коммунальная квартира. — И все, больше ничего не стала добавлять Екатерина Марковна, правильно истолковав взгляд Нуйкина.

— И сколько семей тут жило? — спросил Нуйкин.

— Три.

— Понятно. — И после некоторой паузы: — А теперь?

— Вам это очень интересно? — опять без всякой мягкости, почти грубо спросила Екатерина Марковна.

— Да нет, я так... — смущаясь Нуйкин. И как-то странно, нелепо, а может, стыдливо хихикнул.

Екатерина Марковна взглянула на Нуйкина с презрением. Поставила перед ним чашку дымящегося чая. Налила чаю и себе. Нарезала сыра, хлеба. Поставила масло.

Помешивая чай, Нуйкин громко (руки дрожали) стучал ложкой о края, Екатерина Марковна морщилась.

— Так о чем вы хотели посоветоваться со мной?

Нуйкин не знал, с чего начать; отпил чаю, обжегся, закашлялся.

— Видите ли... — начал он. — Извините... — И закашлялся всерьез. Надолго.

— Вы, наверное, выпить хотите? — спросила Екатерина Марковна.

— Да, не отказался бы, — признался Нуйкин.

— Вот этого как раз и не будет. Обойдется! — отрезала Екатерина Марковна.

— Да? — удивился Нуйкин неожиданности ее логики.

— А вы как думали? Пьяствовать будете у меня? Достаточно того, что притащились без всякого приглашения.

— Да нет, я ничего... Мне только нужен один совет. Дело в том, что я... Сами понимаете, Екатерина Марковна, мое положение... я подал на развод...

Екатерина Марковна продолжала смотреть на Нуйкина строго, придиричivo, никак не выражая в словах своего отношения к услышанному.

— Понимаете? — переспросил Нуйкин. Лоб его покрылся испариной.

Екатерина Марковна кивнула: мол, понимаю, а дальше что? А, впрочем, снисходительности ради, с некоторой паузой произнесла: